

Никто не забыт, ничто не забыто

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ

прасно еще и еще раз вчитывались в списки родственников. И вот уже десять лет Капитолина Афанасьевна пытается восстановить справедливость, саму память о своем брате. Была уже во многих инстанциях, везде выслушивали, обещали помочь... Не каждый день, конечно, ходила. Как разбередит что-то память, как вот нынче празднование 40-летия Победы, и снова она идет, рассказывает, смотрит с надеждой в глаза. И ни о чем не просит. Просто спрашивает: как же так, почему?

Спросим и мы себя: почему так случилось? Почему вообще такое случается у нас?

В парткоме шахты «Южная» от этого вопроса решительно открестились. Хотя кое-кто припомнил: да, кажется, приходила женщина, и как-то этот вопрос даже обсуждался.

— Даст военкомат «добро», хоть сейчас высеку любое имя, а так я не могу, мало ли кто придет да что скажет, — строго заявил секретарь парткома шахты А. Н. Коврижных.

Опуская такую бюрократическую завесу, Алексей Николаевич, конечно, хорошо понимал, что позиция его далеко не безупречна. Еще при первом таком заявлении, а их, как выяснилось, было немало, обязан он был разобраться и довести дело до конца.

А теперь нам не оставалось ничего другого, как сделать это за него.

Мы направились в военкомат. Не больше получаса потребовалось, чтобы в архивах Барзасского районного военкомата, хранящихся здесь, найти документы, неопровержимо свидетельствующие: да, Олимпий Сладкоедов был призван в 1941 году и честно воевал до августа 1944 года. Погиб и похоронен в

Польше. Он заслужил то, чтобы памятью о нем не пренебрегали.

Теперь наш путь лежал на ул. Заречную, 11. Здесь живет Н. П. Гусельников. Он работал на шахте со Сладкоедовым до войны.

Николай Павлович как будто ждал нас. Оказывается, и у него душа давно болела по этому поводу. Он вмиг отыскал заветный листок из школьной тетради, где значились только имена, дорогие для него имена погибших друзей.

— Я жил с ними, дружил, вместе работали. Все они как живые перед глазами.

Вот что оказалось. Не один Олимпий Сладкоедов был «забыт» при составлении списка для обелиска. В списках Николая Павловича... 32 таких имени его земляков. Хранил этот листок Гусельников, веря, что он понадобится когда-нибудь обязательно, не мог не хранить.

Родственники многих этих солдат часто задают Николаю Павловичу те же вопросы.

Дочь Ильи Комлева, например, спрашивает: «Почему лапы нет на обелиске?» Жену Ивана Аксенова то же самое мучает...

Почему Николая Павловича спрашивают? Потому что он был одним из инициаторов установки этого обелиска. Его же включили и в состав комиссии по установке памятника. В той комиссии, кроме него, были прежний секретарь парткома шахты Кустов, председатель шахткома Скрипник (тоже бывший), Блинов. Полные благих намерений, они трудились, не жалея времени. Ходили по поселку, собирали документы, письма, фотографии погибших. Приготовили список. В военкомат для уточнения списков, помнят, ездил

прежний помощник директора шахты. «Уточненный» список уже в мраморном исполнении увидели члены комиссии, жители поселка и только руками развели. Было здесь немало имен людей, никогда не живших в поселке шахты, не работавших на «Южной», не известных здесь никому. Непонятным образом сюда попало и имя Н. Н. Коверченко, ныне здравствующего. А вот 32 земляка (которых тут все помнят, могут многое рассказать о каждом), оказались забытыми. Среди них: Иван Яковлевич Аксенов, слесарь Иван Кушлак, братья Иван и Николай Васильевы, горный мастер Демидов, которого все забойщики звали просто «батьа», и много других, отдавших свои жизни за нас. Может и не 32, а гораздо больше имен восстановится, если поискать, побеспокоиться.

Кто же это может сделать? Первое, что приходит в голову, — школа. Что ж, пойдём в школу, благо, это рядом с обелиском.

Школа № 2 встретила нас непривычной тишиной — каниклы. Вместе с Николаем Павловичем поднимаемся на второй этаж. Здесь, затаив дыхание, стоим перед фотографиями погибших. Да, школа уже поработала в этом направлении. Молодцы. В три ряда укреплены 39 фотографий — в большинстве своем блеклые, нечеткие, но щемящие душу портреты молодых, здоровых, даже очень юных парней, от которых осталась одна память. Вот в нижнем ряду — Олимпий Сладкоедов. Так вот каким он был: светловолосый, красивый.

— Скрамный он был, Ленка, а работал как черт, — говорит Николай Павлович. — Я подгребщиком у него был. Он меня и в за-

бойщики вывел, учитель мой.

Многих из пропущенных на обелиске мы нашли среди этих фотографий: вот лесодоставщик Василий Прокопьевич Балаганский, вот двоюродные братья Григорий и Павел Пиварчуки, вот Силкин Иван Карлович...

Реальность их существования и доказывать парткому не надо. Надо просто проникнуться этим чувством безвозвратной потери, постараться хоть как-то утолить печаль потерявших. В конце концов, это долг наш.

Словом, списки на обелиске надо дополнить. Без проволочек. Довольно их было.

Не просто дополнить. Пока это возможно, надо восстановить в памяти все о погибших.

Стенд в школе — это хорошо. Но плохо то, что он выполнен так скороспело. Есть фотографии, под которыми значит только фамилия, хотя имя, отчество установить было совсем нетрудно. И потом, даже высокому человеку приходится разглядывать фотографии запрокинув голову: повешен стенд к потолку поближе. А как быть ребятам, особенно младшим? Лишь имя под снимком — это сегодня тоже уже недопустимо. Биография, боевой путь — эти сведения должны занять место под каждой фотографией.

Поселок шахты «Южная», бывшая Кургановка, потерял очень много своих сыновей в Великой Отечественной войне. Комната и аллея боевой славы — это самое меньшее, что здесь обязаны были сделать. От пренебрежения к прошлому рождается пренебрежение к настоящему. Иначе, чем объяснить тот факт, что награды Родины, учрежденные в честь 40-летия Победы, вручали на «Южной» вместо 9 мая лишь 6 июня, после неоднократных напоминаний... самих ветеранов. Зашенным бюрократам было все недосуг.

Н. СТЕПАНОВА,

В РЕДАКЦИЮ пришла пожилая женщина — Капитолина Афанасьевна Лазарева. Живет она на улице Линейной, 7. Пенсионерка. Вся ее жизнь связана с шахтой «Южная», поселком. Четырнадцать лет начала работать на шахте. Но не о себе у нее болит сейчас душа. О брате, Олимпии Афанасьевиче Сладкоедове, погибшем в 1944 на войне.

— Он забойщиком был на «Южной», — рассказывает Капитолина Афанасьевна, — стахановец. В первые дни войны ушел на фронт, так и не вернулся...

Что же привело эту женщину к нам? О чем она просит?

В 1975 году в честь 30-летия Победы в поселке шахты «Южная» рядом с клубом открыли обелиск — памятник воинам-землякам, не вернувшимся с войны. На мраморных досках здесь высечены их имена. Без малого сто фамилий. Но не оказалось среди них имени Олимпия Афанасьевича Сладкоедова. На-